

„ЗА ЖИВУЮ ПРАВДУ“

СОЦИАЛЬНЫЕ и эстетические взгляды Романа Роллана формировались в печальной для его родины обстановке. После унижающего поражения во франко-прусской войне, после разгрома Парижской коммуны наступила реакция, которая тяжело отразилась на литературе. Принципам Стендаля, Бальзака остались верны немногие — Мопассан, Золя, Франс... Писателей «пониже ростом» захлестнули мутные струи декаданса.

Молодой Роллан оставался верен лучшим традициям гуманистической европейской культуры. В разработанных им в пору юности «нравственных правилах» был такой примечательный пункт: «Никогда не переставать искать Истину». И он искал ее. В 1888-м он заявил о своих морально-философских воззрениях в труде, озаглавленном четко и смело: «Верую, потому что истинно».

Пути исканий приводят его к наследию гигантов гуманизма и жизненной правды в искусстве — Шекспира, Гете, Бетховена. Но особенно сильное влияние оказала на него русская реалистическая литература, ее «страсть к правде», «одержимость правдой», ее величайший представитель Лев Толстой.

В 1887 году, будучи студентом, Роллан пишет письмо Толстому. Он мечтает получить ответ на мучительные вопросы: как жить, каким должно быть искусство. Ответное письмо, а также последующее углубленное изучение книг Толстого раскрыли глаза Роллану на трагические стороны жизни. Он был потрясен мыслями русского правдоискателя о безнравственности искусства, рассчитанного лишь на привилегированных, вслед за Толстым стал ненавидеть «худосочную и прогнившую цивилизацию эксплуататоров». Он приходит к убеждению, что «реализм без симпатии к людям — пламя без огня...». Однако на Роллана оказали воздействие и слабые стороны толстовства, в том числе идеи непротивления.

Первые художественные произведения Роллана появились в 90-е годы прошлого века, когда рабочий класс Франции выступил на борьбу против империалистической реакции. В передовые слои глубже проникали социалистические идеи. Все это оказало большое и благотворное воздействие на творчество Роллана. Он ведет острую борьбу

за связь искусства с современностью, против засилья упадочнических настроений, стремится возродить большую литературу и эту идею связывает с обновлением сцены. Так появляется замысел «Народного театра», для которого он и пишет свои первые драмы — «Святой Людовик», «Аэрт», «Настанет время». Их характеризует романтическая приподнятость стиля, характеров и положений, откровенная симпатия автора к героям, бескорыстным, высококонтрастным, преданным своим идеалам. Эти образы противостоят костности, ограниченности, низменным интересам современного мещанского общества.

ИСКРЕННЕ тяготеющий к социалистическим идеям и трудовому народу, полный благородной решимости переустроить жизнь, хотя и оторванный от ее политического «эпицентра», Роллан приступает к созданию цикла монументально-исторических драм «Театра революции». В драмах «Волки» (1898), «Дантон» (1899), «Торжество разума» (1899), «Четырнадцатое июля» (1901) и других он стремится воплотить идеи, высказанные в работе «Яд идеализма», в книге «Народный театр». Роллан все целеустремленней выступает против «дряблых грез декадентского искусства». Театр должен быть «боевым оружием масс», «должен разделять хлеб народа, его тревоги, его надежду и его борьбу». Писателя не могут не привлекать такие моменты истории, когда на авансцену выходит народ. Таким моментом Роллан считал Великую французскую революцию 1789—1793 годов.

В драме «Дантон» тема революции звучит величественно. Известная симпатия к жирондисту Дантону не мешает Роллану почувствовать нравственное превосходство защитника революционной якобинской диктатуры Робеспьера над индивидуалистической моралью, ведущей к отрыву от народа.

Самая значительная из ранних драм Роллана — «Четырнадцатое июля». Писатель избрал ее героем народ Парижа, штурмующий Бастилию. Если в других драмах «Театра революции» народ являлся фоном для героев, то в этом произведении «личности растворяются в народном океане», как об этом писал сам Роллан. Народ изображен в постоянном движении: он то охвачен беспокойством, то исполнен благородным гневом,

он проливает кровь в битве за свободу и в конце торжествует победой.

Роллан верно подмечает противоречие между трудовым человеком и буржуазией, стремившейся воспользоваться плодами революции. Народно-героический оптимизм драмы зиждется на том, что буржуазная революция XVIII века рассматривается Ролланом как начальный этап революционной борьбы французского народа.

Официальные круги оказали яростное сопротивление постановке драм из «Театра революции». Роллан пишет «Жизнь Бетховена» (1903), «Жизнь Микеланджело» (1906), «Жизнь Толстого» (1911), которые впоследствии объединил под общим названием «Героические жизни». Он стремится нарисовать образы людей, искусство которых обращено к угнетенным и способно внушить им светлые идеалы.

Между 1904—1912 годами Роллан создает крупнейшее свое произведение «Жан-Кристоф». Эта эпопея из десяти книг была призвана разрешить проблему положительного героя. Им стал Жан-Кристоф, музыкант, многие черты которого напоминают Бетховена. Жизнь Кристофа проходит на фоне общественной жизни нескольких европейских стран конца XIX — начала XX века. Мощь роллановского реализма выразилась и в широком изображении событий и явлений мира и в раскрытии духовной жизни людей, в пристальном внимании к отдельному человеку и его переживаниям.

Жан-Кристоф не приемлет развращенной культуры и морали эпохи империализма и декадентства, от которого разит «трупом и гаремом». Роллан с отвращением воссоздает удушливую мещанскую атмосферу Германии полуфеодалной, которая становится опорой колониализма и нацизма.

В пятой книге романа, где Франция уподоблена «ярмарке на площади», критицизм Роллана достигает огромной разоблачающей силы. Буржуазная семья, быт, литература и искусство разведены продажностью, цинизмом. Но с неизменной любовью и задушевностью пишет Роллан о людях из народа — немцах и французах. Только они в состоянии ценить труд, любовь, неподдельное искусство. Источники силы Кристофа и его мужики в близости к народу, причина его слабости — не преодоленный до конца индивидуализм.

В 1913 ГОДУ Роллан выступил с романом «Кола Брюньон», где воспел созидательный труд, мир, человечность. Горький назвал «Кола Брюньона» «самой изумительной книгой наших дней». Герой ее Кола Брюньон — истинный сын эпохи Возрождения. От облика его неотделимы оптимизм, жизнелюбие, житейская мудрость. Кола — как мы теперь говорим — народный умелец, мастер резьбы по дереву. Труд для него — высокая радость. Неудачная любовь, нужда, лишения, война, жестокая болезнь не сломили его волю, веру в добро и в будущее. Ему чужд созерцательный взгляд на

мир, он активно вмешивается в поток жизни. Кола жизнелюбив, но часто он смеется «не от хорошей жизни»: ведь смех это «изрядная приправа, с ней съешь и камень»...

В период первой мировой войны обостряются противоречия в мировоззрении Роллана. Абстрактный гуманизм, индивидуалистические предрассудки определили его позицию «над схваткой». Однако он поднял голос против империалистической бойни. В таких произведениях, как «Клерамбо», «Пьер и Люс», «Лилюли» он бичует шовинизм, лжепатриотизм, бесчеловечность буржуазного общества, в котором нет места миру и жизни. Одним из первых писателей на Западе Роллан приветствовал Октябрьскую революцию, молодое Советское государство, хотя и не понял закономерности диктатуры пролетариата. Большую роль в укреплении прогрессивных идей в творчестве Роллана сыграла его дружба с Горьким. В 1931 году в статье «Прощание с прошлым» писатель признал необходимость беспощадного подавления эксплуататоров, заявил о своем переходе в стан революции. Он разоблачает

Роман РОЛЛАН и Алексей Максимович ГОРЬКИЙ летом 1935 года. Фотохроника ТАСС.

фашизм в Италии и Германии, выступает в защиту республиканской Испании.

В 1935 году Роллан посетил Советский Союз, встретился с Горьким. Он радовался успехам социалистической литературы и искусства. В статье «Ленин. Искусство и действие» писатель подчеркивает верность ленинских положений о классовости и партийности искусства. Сдвиги в мировоззрении Роллана нашли отражение в произведениях послеоктябрьского периода — в эпопее «Очарованная душа» и драме «Робеспьер».

Герои «Очарованной души», как и сам Роллан, проходят сложный путь. Аннета Риввер и ее сын Марк возмываются от узкого индивидуализма до понимания сущности пролетарской революции. Это им нелегко дается. Марк погибает в борьбе против войны и фашизма. Знамя павшего подхвачено его матерью, которая к этому времени отмечает предрассудки своей среды и признает, что позиция «над схваткой» не выдержала испытания суровым временем.

Этот замечательный роман отличают черты, близкие социалистическому реализму. Настоящее озарено светом грядущего. Рол-

лан ищет освободителя общества в рабочем классе, который один в состоянии уничтожить или обезоружить врагов человечества.

«Робеспьер» — великолепное завершение «Театра революции». Роллан больше не колеблется между двумя «правдами», как это было в ранних драмах. Он решительно поддерживает Робеспьера и народ.

Старый писатель стал свидетелем второй мировой войны, трагедии миллионов людей, разгула гитлеризма. Но он глубоко верил в победу прогрессивных сил, во главе которых стоял героический советский народ. Он умер, храня эту святую веру в сердце, немного не дожив до победы над фашизмом.

Роллан прожил большую, сложную, героическую жизнь. Творчество его проникнуто любовью к человечеству, страстной устремленностью в будущее. Писатель сказал о себе: «Идеалист — я стою за реализм, и романтик — за живую правду». В поисках этой правды он видел свою задачу художника, видел ее в том, «чтобы создать солнце, когда его нет».

В. ГАДЖИЕВ,
кандидат филологических наук.

ИЗ ПИСЕМ ВЕЛИКОГО ФРАНЦУЗА

К Н. А. РУБАКИНУ:

В течение нескольких лет у меня завязались обширные связи с СССР... Много друзей, маленьких и больших, пишут мне оттуда. Особенно одна милая группа юношей и девушек из Москвы, из семьи Липина (он директор Института рыбководства). Я их называю и они подписывают свои письма: «мои стерлядки». Приятно видеть свежесть чувств и веселость, так хорошо сохранившиеся у русской молодежи, которую наш добродетельный Запад представляет себе преждевременно увядшей.

К Т. С. КУДАШЕВУ:

Дорогой друг, поздравляю тебя со званием ударника. Это меня очень радует, так же как и твой интерес к сочинениям Ленина... Я бы мог прислать тебе французские книги: «В свете маоизма», «Биология и марксизм» и др., в которых французские ученые показывают связь между развитием отдельных наук и научным предвидением Маркса и Энгельса...

...Мы встревожены делами в Испании. Это трагическая эпопея. И она разделяет Францию на два лагеря, как в давние времена нашей революции — в 1793 году.

К М. С. ШАГИНЯН:

...Это лишь наше первое знакомство, и я надеюсь, что в дальнейшем мы сможем его продолжить, так как я рассчитываю вновь посетить вашу страну в будущем году. Во всяком случае после этой первой встречи я сохранил воспоминания о Вашем голосе, о Вашей улыбке и о Ваших дружеских словах.

Мне было интересно узнать о том, какое место в Вашей жизни занимала музыка. Вы принадлежите, таким образом, к братству Жана-Кристофа и, следовательно, являетесь членом моей семьи.

...Поверьте мне, что я никогда не забуду своих дорогих советских друзей. Я надеюсь, что у нас еще будет много времени для того, чтобы обменяться мыслями и укрепить нашу дружбу.

Преданный Вам РОМЕН РОЛЛАН.